

занію:—корову... это отлично,—сказалъ онъ, и добавилъ глубоко-мысленно:—но... несомнѣнный нигилистъ?

— О, несомнѣннѣйшій! При мнѣ обходился безъ помощи носового платка, и даже громогласно утверждалъ, что чинъ тайнаго совѣтника въ сущности не чинъ, а сонное мечтаніе.

Старикъ широко раскрылъ глаза и явилъ въ нихъ безпокойство.

Офицерики увивались около барынь. «Но, скажите, ежели мнѣ одинаково нравятся лилія и роза?» спрашивалъ одинъ, про-низывая коварнымъ взглядомъ шустрюю дамочку, безпрестанно выдвигавшую изъ-подъ платья изящную ножку въ сѣрой туфлѣ.

— О, непременно должны сдѣлать выборъ!—говорила та.— Но если это значить разорвать сердце?—Разрывайте.—О, какъ вы жестоки...—Нѣкоторые приглашали на кадрилъ. «Пановскій, будешь со мной визави? Пожалуйста, Пановскій!» умоляющимъ голосомъ взывалъ свѣженькій субалтерникъ.

— Нѣтъ, что ни говори, а ужасное мы государство,—значительно тянулъ сановникъ:—смотрите, это вѣдь вопіющая мерзость—эти соломенные кровли!

Старецъ быстро оборотился въ его сторону.

— Совершенно вѣрно изволили выразить, ваше превосходительство,—запечатлѣлъ онъ:—именно—мерзость, именно—соломенные кровли мерзость... Но теперь этого не будетъ!—и онъ торопливо замахалъ кистью руки.

— То есть какъ же такъ?—ядовито спросилъ сановникъ, питавшій странную ревность ко всѣмъ улучшеніямъ, которыя могли бы совершиться безъ его вѣдома.

— А я изобрѣлъ... я очень наглядно изобрѣлъ... Знаете, постройки эдакія... эдакія огненеподдающіяся постройки...

— Но въ чемъ же ихъ преимущество?—полюбопытствовалъ сановникъ.

— О, преимущество громадное!—подхватилъ Волхонскій,—обычныя постройки горятъ и отъ нихъ остаются угли... Но когда сгораютъ эдакая... огненепобораемая... отъ нея остается глина, и... мужикъ. Мужикъ и глина.

— Вотъ, вотъ,—радостно подхватилъ старецъ,—совершенно вѣрно изволили... именно—мужикъ, именно—мужикъ и глина! Сановникъ благосклонно улыбнулся.

Мишель, закутанный въ плащъ, лежалъ въ глубинѣ какого-то тарантаса. Рядомъ съ нимъ сидѣли madame Пѣтушкова и предводительша. Онъ пожималъ имъ руки и, мечтательно по-сматривая въ вышину, восклицалъ: «Полюбуйтесь, mesdames!..